

"Травда" № 288.
Гор. Москва. 1934г. 18 октября

О ТОМ, ЧЕГО НЕ ВИДИТ ЗРИТЕЛЬ.

До революции мы — студенты и гимназисты — проставляли подолгу после спектаклей у маленькой актерской двери «императорского» Малого театра, чтобы на несколько секунд схватить и запомнить лица восхищавших нас актеров. На этой маленькой двери, выкопавшей тогда на «Метрополе», были надписи: «Служебный вход» и «Посторонним вход запрещается». Сколько молодых, страстных мечтаний устремлялось в этот запретный вход!

И сейчас на актерском поезде, на двери, отделяющей кулисы от зрителя, в каждом советском театре висит жопечка со стеребтивной фразой: «Вход посторонним запрещается». Но здесь нет и намека на жречество, «святая святых»; нет таинственности и соблазна: это забота о дисциплине спектакля. Вот почему хочется и нужно хоть коротко показать зрителю то, чего он не видит, а иногда и не предполагает, участвуя из зала только в одном куске нашей многообразной жизни — в спектакле.

* * *

Репетиции начинаются с 11 часов, но уже с 8 час. театр наполняется жизнью. На сцене идет уборка и подготовка декораций. Весь театр приволит себя в порядок, умывается на весь день. Сейчас время рабочих и уборщиц, но уже с 9 часов слышен ропот из пажного фойе, по лестницам бегут молодые люди в трусах и майках, — утренная физкультурная зарядка. Из другого места доносится голоса, громко отчеканивающие слова и фразы по слогам: то под руководством лучшего советского педагога Е. Ф. Саричевой занимают постановкой голоса и дикцией. Это — часы уроков. На уроках не только начинающий молодежь, часто и опытным актерам приходится возвращаться на временную поправку к преподавателю.

До репетиций уроки кончены, театр приведен в порядок, сцена приготовлена. За это же время в красном уголке художники и редакторы закончили склеивать последний выпуск стенной газеты с дискуссией о плане сезона, с обменом мнений о новой книге, с жалобами на круп-

ные и мелкие неполадки в ходе работы и последних спектаклей.

За это же время одна группа товарищей уже успела вернуться, сыграв целый небольшой спектакль. В нашем доме — в клубе имени Калинина — призывной пункт. Дом правительства встречает приезжающих праздничным убранством: он украсился, как на праздник: в клубе позаботились об удобной, уютной обстановке для занятий, в наш театр почти каждый день вымещивает наряд и посылает группу актеров, чтобы занять весело и полезно короткий досуг будущих красноармейцев.

В 11 часов по внутреннему радио объявляется начало репетиций. Тогда смолкают все голоса, даже в отдаленных от сцены уголках начинают говорить вное тише, актеры расходятся по своим рабочим группам; с пьесами, планами, рисунками и блокнотами расходятся по своим местам режиссеры с художниками, авторами, лаборантами.

Официальных репетиций две: одна — главная — первой очереди (это сегодня «Поднятая целина») занимает сцену. Ей подчинено все в театре, туда незамедлительно спускают любого актера со всякой другой работы, к ней прикомандирован технический персонал, на ней главное внимание руководства. Она похожа на спектакль: стоят незаконченные декорации, актеры одеты в приближающиеся подходящие к еще неготовым настоящим костюмам.

Внизу — в фойе — работает новый состав недавно вышедшего спектакля, — один состав не в силах обслужить большой спрос рабочих клубов. Но каждая из этих репетиций обрастает большим количеством маленьких занятий. Везде — в курилке, в красном уголке, по уборным — с лаборантами или просто по-явке, по-трие актеры повторяют маленькие кусочки пьесы, прежде чем войти в главную репетицию.

Репетиции кончаются в 3 часа.

К 4 часам замолкают последние споры и взаимные убеждения. Занятия вечером в больших залах уходят домой для коротко-

го отдыха. Для остальных начинается новая полоса рабочего дня: часы между репетицией и спектаклем отдают общественной работе. В эти часы появляются красивые летчики — слушатели и преподаватели Военно-воздушной академии им. Жуковского.

Их гимнастерки с голубыми петлицами вы встретите всюду: на заседаниях местного комитета, бригады, проверяющей выполнение производственного плана, партторганизации, рабочего комитета. Они ведут занятия на многочисленных кружках — от кружка текущей политики до кружков марксизма-ленинизма. Это — шефы, связанные с нами рядом лет совместной работы. Театр протянул от себя нити во все стороны, и по этим нитям идет живой ток пролетарского влияния на коллектив театра и через него — на зрителя.

В мастерских, у макета, на примерках костюмов, в гримерном уголке заканчиваются основные работы, подготавливаются спектакль. Театр еще раз отряхивается, обмывается свежим потоком вентиляторов, зажигается свет то в одной, то в другой комнате. Костюмы, парики разнесены по уборным. В половине седьмого серьезные и сосредоточенные появляются исполнители вечернего спектакля, а в 7 часов в фойе театра входит первый зритель и направляется в очередную выставку. За кулисами загораются транспаранты: «Тишина!»

Но несмотря на то, что сейчас начнется главное, из-за чего существует театр, другие работы не кончаются. И во время спектакля в кабинете директора идет режиссерское совещание, в помещении местного комитета, очень далеко от сцены, проф. Н. Д. Ушаков читает лекцию об особенностях донского говора для участников «Подняты», а в красном уголке пышные «французские буржуа XVIII века» ведут беседу с товарищем, приехавшим из Соловьевской МТС, чтобы поговорить о том, как ярче и интереснее провести праздник Октября в волжском районе и кто из театра придет помочь проведению праздника.

Ф. КАВЕРИН.